

Будем как солнце, или Четыре вечера с Бальмонтом

Вернее было бы сказать - вечера не с Бальмонтом, а с его стихами. Но когда говоришь о таком поэте - это почти одно и то же.

То ли из-за нахлынувшего совпадения по «звуку и сути», то ли потому, что поэт в стихах говорит о себе больше, чем даже сам о себе знает.

В любом случае «встреча», на которую отводился один вечер «возобновления знакомства», растянулась на несколько вечеров и ночей. И стала еще более понятной блоковская фраза, адресованная им в девятнадцатом году Гумилеву, - о книге, «читанной не только «днем», когда я «не понимаю» стихов, но и ночью, когда понимаю».

1.

Почти семьдесят лет назад, будучи уже эмигрантом, Константин Дмитриевич Бальмонт написал в автобиографии: «Итак, в 1960 году будет издано собрание моих сочинений в 93 томах или свыше».

Едва ли не толстовское.

Но - увя.

Хотя, с другой стороны, ничто ведь не помешало задолго до пресловутого шестидесятого года, до объявления наступающего коммунизма, издать бальмонтское собрание сочинений в десяти томах. Правда, это было еще до революции, в 1907-1914 годах. Естественно, что за семьдесят пять лет жизни, до своей смерти в 1942 году, этот уникальный поэт с немислимой работоспособностью сумел создать достаточно много для того, чтобы думать если и не о 93 томах, то - о десятиках. Ибо, во-первых, ежегодно выходили несколько его книг (к примеру, в 1908 году - сразу три - «Зовы древности», «Птицы в воздухе», «Белые зарницы»); во-вторых, многие сборники постоянно переиздавались; и, в-третьих, известность поэта была столь широкой, что мало кто не знал о нем, и редкое периодическое издание выходило без сообщений о том или ином произведении Бальмонта.

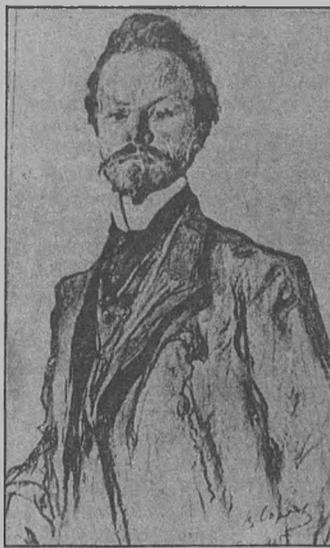
Но, опять же, все это - в прошлом. Потому что, выпросив заграничную командировку в 1921 году, Бальмонт превратил ее в пожизненную, и тем самым, как всякий эмигрант, стал добровольным изгнанником. Хотя вернее было бы сказать - вынужденным бегенцем. Это было бы даже странным для страны Советов: издавать и пропагандировать стихи поэта, сбежавшего из коммунистического рая, из царства труда и свободы. Он печатался в зарубежных изданиях - в «Последних новостях», в «Современных записках» и т.д. - до тех пор, пока не сломалась тонкая, угнетенная глобальными крушениями, психика и не потекли серые дни в приюте «Русский дом» в Нуази-ле-Гран...

2.

Двухтомник избранного Бальмонта, изданный только что «Террой», позволяет еще раз вспомнить не только об этом поэте, но и о том, что судьба любого значительного поэта - загадка, драма, трагедия; огонь, пожар, пепелище; сомнения, труд, нездешность.

У Константина Бальмонта она, эта судьба, как стрела, как долгое тире между восклицанием 1902 года «Будем как солнце!» и уже заграничным признанием: «Мой траур... будет длиться много странных лет».

Конечно, его светоносность и его взрывчатость, его непредсказуемость и метания, его погружения в себя и мрачные депрессии - все это можно было бы объяснить характером, импульсивностью, неадекватным восприятием мира. Тогда сюда впишутся и нервные расстройства, и попытка самоубийства (о чем, кстати, и сам он говорит в рассказе «Воздушный путь»). Но, скажите на милость, где в Рос-

сии вы видели «нормального» поэта, особенно если речь вести о Серебряном веке?

Уже будучи эмигрантом, Бальмонт выпустил в 1923 году в Берлине автобиографический роман «Под новым серпом», в котором описал свою юность. Еще раньше к теме детства и юности он не раз возвращался в своих автобиографиях. Вероятно, потому, что и усадьба родителей-помещиков во Владимирской губернии, и сам деревенский быт, и природа, и множество книг, прочитанных тогда запомним, и первые стихи - все это было до десятилетнего возраста. Другими словами - сформировало раз и навсегда.

А что касается характера - неуемности, душевной подвижности, так он таким был с малолетства. Из шуйской классической гимназии Бальмонта исключили за распространение революционной литературы, из Московского университета - за участие в сходках, из юридической либеральной школы сам сбежал уже двадцатидвухлетним, заявив: «Я не смог принудить себя заниматься юридическими науками, зато жил истинно и напряженно жизнью своего сердца...»

Вот они и соприкоснулись: «жизнь сердца» и последующее знаменитое: «Будем как солнце! Забудем о том, что нас ведет по пути золотому...»

Действительно, если ты - солнце, то можно и не задумываться о том, кто тебя ведет, потому что сам ты ведешь всех. Но для этого надо быть солнцем. И Бальмонт не только сам стремился в небесную высь света, любви и славы, но и прочих призывал к тому же, ведь «будем» - множественное число.

Удалось ли хотя бы приблизиться?

Ему - да. О прочих же - читателей, почитателей, поклонниках - поэт, кажется, имел особенность забывать тут же. Как солнце, которое знает, что всех все равно не согреет.

3.

Двухтомник, изданный «Террой», позволяет еще раз вспомнить его биографию - то, что у поэта всегда - за строчкой, всегда - как тень тени.

О, это долгий разговор о надеждах и крушениях, о мечтах и о ломке, о чистом сердце и об искореженной душе. Но это - разговор о Поэте. И лишь этот вот маленький шифр-ключ из четырех букв - «поэт» - поясняет, почему «революционер» восстает против революции, солнцепоклонник впадает в меланхолию, а надменная работоспособность сменяется долгим и мрачным молчанием.

Тут права была обладающая точностью наблюдений и провидческим даром Марина Цветаева, когда заметила, что «изучив 16 (пожалуй) языков, говорил и писал он на особом, 17 языке, на Бальмонтском».

Так из каких же он наречий, звуков, путешествий, любовей, чувств - этот язык?

С момента первой публикации в 1885 году и знакомства в том же году с Короленко?

Или раньше - с образования, данного матерью, хорошо разбиравшейся в искусствах? Или - с первой заунывной книжки, изданной в 1890 году и уничтоженной 23-летним автором?

Он посещает Испанию, Италию, Францию, Голландию, Египет, Австралию, Цейлон, Индию, Японию («Японией глennen безмерно...») и многие другие страны. И каждая поездка оставляет в нем неизгладимый след. И - в творчестве. Один за другим изучает языки. И каждый оставляет след в его поэзии. Переводит западных авторов, индийские мифы, увлекается славянским фольклором. И все это вливается свежей струей в его стихи. За антиправительственное стихотворение «Маленький султан» в 1901 году его высылают из столицы, в 1905-м он сам вынужден бежать из России, в 1907 году его книга «Песни мстителя» вообще запрещена к распространению в России (на родину Бальмонт смог вернуться только в 1913-м, после объявления амнистии для политэмигрантов в связи с трехсотлетием дома Романовых). Он рад свержению монархии, но радость длится недолго: деяния большевиков не только разочаровывают его, но и заставляют многое пересмотреть и в конце концов покинуть Россию навсегда.

Так что же это за язык - Бальмонтский? Язык души, способной жить только в лучах дневного света, язык сердца, ориентированного на счастье, язык неуловимой гармонии, за которой не угнаться... Не зря о «Книге Жизни и Страсти» сам он писал: «Моя первая книга, полная оргийного торжества».

А сами по себе названия прочих книг, разве они не говорят почти обо всем - «Будем как Солнце», «Литургия красоты», «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные», «Птицы в воздухе. Строки напевные», «Морское свечение», «Поэзия как волшебство», «Сонеты Солнца, Неба и Луны», «Только любовь» и т.д.

4.

Кем был он? Символистом? Импрессионистом? Зачинателем «нового искусства»? Лириком? Романтиком? Эстетствующим индивидуалистом? Определений можно придумать множество, но ни одно из них не в состоянии охватить, объять в одном слове все грани бальмонтского таланта. Субъективный певец красоты и света, влюбленный в мимолетность и плывущий в потоке только собственного, сиюминутного настроения.

Кем остался он? Поэтом? Переводчиком? Эссеистом? Критиком? Как и Гумилев, он говорил о себе: «Я поэт». И за этим стояло не умение писать стихи, а - способ существования. Потребность во всем видеть свет и слышать музыку - в каждом звуке. И все это через себя - как через кристалл. Много увидев и пережив, Бальмонт, по слову одного из писателей, «ничего в мире не заметил, кроме своей души».

...Часто ль мы замечаем свои души, их жизнь и движение? Наверное, и по этой причине тоже Поэтов намного меньше, чем умеющих писать стихи.

...Читая «терровский» двухтомник, вдруг чувствуешь едва ли не каждой клеткой, как хочется весны, простора, света, молодости, музыки, красоты... Жизни! И утром, выйдя из многоэтажного бетонного улья, с трудом сдерживаешь себя, чтобы не воскликнуть, улыбаясь всем: «Будем как солнце!»

Константин Бальмонт не сдерживал такие порывы души. И остался. Потому и говорим о нем, и будем говорить, удивляясь его мечте о 93 томах и поражаясь тому свету, который излучает каждая его вновь изданная книжка.